

Сказка Г.Х. Андерсена " Домовой и хозяйка "

Ты знаешь домового. А хозяйку знаешь? Жену садовника? Она была начитанна, знала наизусть много стихов и даже бойко сочиняла их сама. Вот только рифмы – "спайки", как она их называла, давались ей не без труда. Да, у нее был и писательский талант и ораторский; она могла бы быть хоть пастором, по крайней мере – пасторшею!

– Как хороша земля в воскресном уборе! – сказала она и поспешила облечь эту мысль в стихи со "спайками", очень красивые и длинные.

Семинарист, господин Киссеруп – имя тут, впрочем, ни при чем, – сын сестры садовника, гостивший у них, услышал стихи хозяйки и заявил, что они очень, очень хороши!

– Да, на вас лежит печать гения, сударыня! – прибавил он.

– Экий вздор! – сказал садовник. – Не вбивайте ей ничего такого в голову! Женщина прежде всего должна обладать наружностью, приличною наружностью, и дело ее – смотреть за тем, чтобы каша в горшке не прикипела да не подгорела!

– Пригар я очищу древесным углем! – ответила жена: – А накупь на душе у тебя сниму поцелуем! Подумаешь, право, что у тебя на уме одна капуста да картофель, а ты ведь любишь и цветы! – И она поцеловала его. – Цветы – это и есть поэзия! – прибавила она.

– Смотри за кашей! – повторил он и ушел в сад: у него была своя каша, за которою следовало смотреть.

А семинарист остался сидеть с хозяйкой. Ее слова: "Как хороша земля!" – он развил в целую проповедь в своем духе:

– Земля прекрасна; "наследуйте землю", – было сказано людям, и они стали господами на земле. Один добился этого благодаря своим духовным дарованиям, другой – физическим; один был пущен в свет вопросительно-восклицательным знаком, другой – многоточием, так что невольно спрашиваешь: зачем он, в сущности, явился? Один становится епископом, другой остается бедным семинаристом, но все на свете устроено одинаково премудро. Земля прекрасна и всегда в праздничном уборе! Это стихотворение пробуждает столько дум, сударыня! Оно полно чувства и знания географии.

– На вас тоже лежит печать гения! – заметила хозяйка. – Уверю вас! Беседуя с вами, начинаешь ясно понимать себя!

И они продолжали беседу в том же прекрасном, возвышенном духе. А в кухне тоже кто-то вел беседу – домовый! Домовой в сером балахоне и красненькой шапочке. Ты знаешь его! Он был в кухне, обозревал там горшки. Он тоже говорил, но его никто не слушал, кроме большого черного кота – "сливкокрада", как величала его хозяйка.

А на нее домовый был очень сердит, – он знал, что она не верит в его существование. Правда, она и не видала его никогда, но все же была, кажется, достаточно просвещена, чтобы знать о его существовании и оказывать ему хоть некоторое внимание. Ей вот небось не приходило на ум угостить его в сочельник хоть ложкой каши! А ее получали все его предки, даром что хозяйки их были совсем неученые! И какую кашу! Она так и плавала в масле и в сливках!

У кота даже слюнки потекли при одном упоминании о сливках.

– Она называет меня "понятием"! – говорил домовый. – Ну, это выше всех моих понятий. Она прямо-таки отрицает мое существование.

Я уж раз подслушал ее речи и теперь опять хочу пойти подслушивать. Ишь, сидит и шушукается там с этим семинаристом! А я повторю за хозяином: "Смотри лучше за кашей!" Но она и не думает об этом. Постой же, я заставлю кашу кипеть, да так, что она поползет через край! – И домовый раздул огонь. У! Как зашипело, загорелось! Каша так и побежала из горшка. – А теперь пойду и понаделаю дыр в чулках хозяина! – продолжал он. – Больших дыр и в пятках и в носках. Будет ей тогда чем заняться, если останется досуг от рифмоплетства! Штопай-ка лучше мужнины чулки, сударыня поэтесса!

Кот в ответ на это чихнул; он простудился, хоть и ходил в шубе.

– Я открыл дверь в кладовую! – сказал домовый. – Там стоят кипяченые сливки, густые, что твой кисель! Хочешь вылакать? Не то я сам вылакаю!

– Нет, уж коли терпеть побои, так было бы за что! Я вылакаю! – ответил кот.

– Потешь язычок, а потом тебе почешут спинку! – сказал домовый. – Теперь я пойду в комнату семинариста, повешу его подтяжки на зеркало, а носки суну в умывальный таз с водою, – пусть думает, что пунш был чересчур крепок и что у него в голове шумело. Сегодня ночью я сидел на дровах возле собачьей конуры. Мне ужасно нравится дразнить цепную собаку, я и давай болтать ногами. Собака, как ни прыгала, не могла достать до них, злилась и лаяла. А я-то себе болтаю да болтаю ногами! То-то потеха была! Семинарист проснулся от шума, три раза вставал с постели и смотрел в окно, но меня-то уж ему не увидеть, даром что в очках. Он и спит в них!

– Ты мяукни, когда хозяйка придет! – сказал кот. – А то я не услышу – у меня сегодня уши болят.

– Язычок у тебя болит, вот что! Ну, лакай – выздоравливай скорее! Только оботри рыльце, а то сливки с усов капаят. Ну, а теперь я пойду подслушивать.

И домовый подкрался к двери, а дверь-то стояла полуотворенною. В комнате не было никого, кроме хозяйки и семинариста. Они говорили о том, что семинарист так прекрасно называл "печатью гения" и ставил выше всяких горшков и каш в любом хозяйстве.

– Господин Киссеруп! – начала хозяйка. – Я хочу воспользоваться случаем, показать вам что-то, чего еще не показывала ни единой живой душе, особенно мужчине, – мои маленькие стишки. Некоторые из них, впрочем, несколько длинноваты! Я назвала их "Спайки дщери Дании"; я, знаете, люблю больше старинные слова.

– Так и подобает! – сказал семинарист. – Немецкие же слова следует совсем изгнать из датского языка.

– Вот, я так и делаю! Я никогда не говорю "бутерброд" или "фефферкухен", а всегда "хлеб с маслом" и "пряники".

И она вынула из ящика стола тетрадь в светло-зеленой обложке, на которой красовались две кляксы.

– В этой тетрадке очень много серьезного! – сказала она. – Меня все больше тянет к печальному. Вот "Ночные вздохи", "Моя вечерняя заря", вот "Наконец я твоя, мой Клеменсен!" Это стихотворение посвящено моему мужу, но его можно пропустить, хотя оно и очень прочувствовано и продумано. Вот "Обязанности хозяйки" – это лучшая вещь! Но все стихи грустны – в этом моя сила. Тут есть только одна вещь в шутиливом духе. Я излила в ней свои веселые мысли – находят на человека и такие – мысли о... Да вы не смейтесь надо мною! Мысли о положении поэтессы! До сих пор об этом знала только я да мой ящик, а теперь узнаете вот вы. Я люблю поэзию, и на меня часто находит поэтическое настроение. В такие минуты я сама не своя. Все это я и высказала в "Крошке домовом"! Вы ведь знаете старинное народное поверье о домашнем духе, который вечно проказит в доме? И вот я изобразила себя домом, а поэзию, волнующее меня поэтическое настроение – домовым. Я воспела могущество и величие "Крошки домового"! Но вы должны дать мне слово никогда не проговориться об этом моему мужу или кому бы то ни было. Читайте вслух – я хочу видеть, разбираете ли вы мой почерк!

И семинарист читал, а хозяйка слушала; слушал и домовый. Он ведь, как ты знаешь, собирался подслушивать и подошел как раз в ту минуту, когда прочли заглавие "Крошка домовый".

– Э, да речь-то идет обо мне! – сказал он. – Что она могла написать про меня? Постой же, дойму я тебя! Буду воровать у тебя яйца, цыплят, выгонять жир из телянок! Вот что, сударыня хозяйка! Скажите, пожалуйста!

И он наострил уши. Но вот он слышит о величии и могуществе домового, о его власти над хозяйкой, – она ведь подразумевала под домовым поэтическое настроение, но домовый понял все это буквально – и лицо его стало расплываться в улыбку, глазки заблестели от удовольствия, губы сложились в важную мину; он даже невольно привстал на цыпочки и вырос на целый вершок! Ах, он был в таком восторге от всего сказанного о "Крошке домовом"!

– А в хозяйке-то и впрямь сидит гений! И как она образованна! Я был ужасно несправедлив к ней! Она поместила меня в свои "спайки"; их напечатают и прочтут!.. Ну, уж полно теперь коту лакать хозяйкины сливки – я сам буду лакать их! Один все же выпьет меньше, чем двое, вот и экономия! Я и буду теперь соблюдать ее, буду почитать и уважать хозяйку!

"Сколько, однако, в нем человеческого! – подумал старый кот. – Стоило хозяйке польстивее мяукнуть ему, и он сейчас запел на иной лад! Хитра она, хозяйка-то!"

Но она вовсе не была хитра; хитер-то был домовый – в нем было много человеческого!

Если ты не понимаешь этой истории, то попроси объяснения – только не у домового, да и не у хозяйки.

Другие сказки Андерсена